

Николай ЕФИМОВИЧ

Майя ПЛИСЕЦКАЯ

САМЫЕ ОТКРОВЕННЫЕ ИНТЕРВЬЮ
ВЕЛИКОЙ БАЛЕРИНЫ

Николай Ефимович Майя Плисецкая. Рыжий лебедь. Самые откровенные интервью великой балерины

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23395433

*Майя Плисецкая. Самые откровенные интервью великой балерины /
Ефимович Н. А.: Комсомольская правда; Москва; 2015
ISBN 978-5-4470-0023-3*

Аннотация

Майя Плисецкая – поразительный пример творческого долголетия и предельного самовыражения. Последние два десятка лет ее жизнь, неразрывно связанная с судьбой композитора-классика Родиона Щедрина, была столь же насыщена яркими событиями, как и в молодости. Журналист Николай Ефимович, которого связывали с этой легендарной семьей доверительные отношения, запечатлел на страницах «Комсомольской правды» мгновения их триумфов. Это искренние и откровенные разговоры с одной из самых красивых и знаменитых пар нашего века, с людьми, прославившими русское искусство. Майя Михайловна и Родион Константинович рассказали о своей жизни и стране, друзьях и врагах, работе и любви...

Большинство фотографий публикуется впервые.

Содержание

Вместо предисловия	6
Рыжий лебедь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Николай Ефимович
Майя Плисецкая.
Рыжий лебедь. Самые
откровенные интервью
великой балерины**

Моей Ирине

© ИД «Комсомольская правда», 2015 год.

© Фотографии: Н. Ефимович, Ю. Феклистов, Р. Гали, А. Жданов, Е. Гусева, Д. Косолапов, Мила Стриж. РИА Новости: А. Макаров, С. Пятаков, Н. Аркина, Е. Стоналов, В. Малышев, Б. Бабанов, Б. Рябинин, Фетисова. ТАСС: А. Коньков, Н. Кулешов, В. Киселев, Ю. Самолыго, Б. Кавашкин, А. Коньков, В. Кузьмин, В. Барановский (Интерпресс), архив фотохроники ТАСС.

Вместо предисловия

Идея этой книги родилась год назад. Майя Михайловна тогда же согласилась написать к ней предисловие. Не успела...

«Комсомольская правда» – ровесница великой балерины. И первое интервью комсомолки, примы и просто красавицы Майи Плисецкой было опубликовано именно в нашей газете – в праздничном номере 31 декабря 1954 года. Речь шла о новом балете филиала Большого театра «Шурале», где она исполнила роль девушки-птицы.

Потому, наверное, совсем не случайно, что последние двадцать лет самые откровенные интервью Майи Михайловны появлялись именно на страницах «Комсомолки».

В год нашего общего 90-летия мы делаем подарок всем поклонникам Плисецкой, собрав воедино, под одной об-

ложкой, беседы с великой женщиной. И так же, как невозможно разделить судьбы гениальной балерины и ярчайшего современного композитора Родиона Щедрина, так и в нашей книге встречи и разговоры с Майей Михайловной и Родионом Константиновичем – вместе.

Хочу поблагодарить редакцию «Комсомольской правды» и Владимира Николаевича Сунгоркина за возможность выпустить эту книгу, за то, что приходилось терпеть мой «роман с балетом» многие годы. И, конечно, не могу не назвать профессора Белорусского государственного университета Татьяну Дмитриевну Орлову, которая открыла для меня мир театра.

Я бесконечно признателен родным и друзьям, которые поддерживали беспокойного и сомневающегося автора все это время.

Отдельная благодарность – Андрею и Светлане Меандровым. В их гостеприимном доме в подмосковном Кратове была завершена эта книга.

МОЯ НОВАЯ ПАРТИЯ

С МАИЕЙ ПЛИСЕЦКОЙ ваш корреспондент встретился у нее дома после очередной репетиции. Уже несколько месяцев на сцене филарм Большого театра репетирует балет «Шурале», написанный татарским композитором Яруллиним. В этом балете Плисецкая исполняет ведущую партию девушки-птицы Скимбике.

— Я влюблена в этот балет. Даже усталость проходит, когда вступает оркестр. Музыка его не только поэтична, она образна и выразительна, а это для нас самое главное... Вы знаете сюжет? Нет? Тогда послушайте...

Она рассказывает старую татарскую легенду о победе любви над силами зла, но рассказывает не так, как это сделала бы кто-либо другой, а так, как может рассказать только балерина — в динамике действия. Ее лицо и руки живут, следя за развитием мелодии.

Вот в оркестре слышится как будто легкий шорох крыльев: это на поляну в дремучем лесу прилетают птицы. Они

обсыпаят крылья, превращаются в девушек и танцуют. За ними злородно наблюдает Шурале — леший.

Подкрavшись, он прячет крылья одной из девушек. Когда ее подружки улетают, Скимбике в отчаянии остается в лесу одна.

В лесу начинается шажив'ведьм. Шурале издевается над Скимбике. В это время появляется Аам-батыр — сильный и добрый парень из ближней деревни. Он разгоняет нечисть, вступает в бой с Шурале, освобождает Скимбике и уводит ее в свое деревню.

Деревня радостно справляет свадьбу Аам-батыра и Скимбике. Но девушка тоскует о подругах, чувства ее смытены. Незаметно пробравшийся на свадьбу Шурале подбрасывает ей крылья. Она снова превращается в птицу и улетает. Аам-батыр с горячим факелом в руках идет на поиски невесты.

— Одну минутку! — прерывает свой рассказ Плисецкая и идет в другую комнату, где звонит телефон. Мы слышим, как она говорит кому-то: — Нет, нет, о концерте не может быть и речи. У меня каждый вечер «Шурале»... Так на чем мы остановимся? — спрашивает она, возвратившись к столу.

Храбрый Аам настаивает Скимбике в лесу, когда девушка тихо пытается вырваться из лап Шурале, который оплет огонь у нее крылья. Почувствовав опасность, леший поджигает лес. Аам освобождает свою невесту и бросает Шурале в огонь. Но и им спасения уже нет: огонь подступил со всех сторон. Аам дает крылья девушке, чтобы спасти ее и погибнуть самому, но Скимбике, увидевшая силу его любви, сама сжигает крылья. Пожар тотчас прекращается.

— Финальное любовное адажио Аам-батыра и Скимбике самое поэтичное в балете, — тихо заканчивает свой рассказ Майя Плисецкая. — Оно прекрасно выражает мысль, что любовь побеждает смерть.

— Когда зритель увидит вас, Майя, в новой партии?

— Думаю, это будет наш новогодний подарок.

На снимке: Майя ПЛИСЕЦКАЯ.

Самое первое интервью Майи Плисецкой нашей газете.

Рыжий лебедь

«В один прекрасный январский день 1999 года, как принято писать в старинных сказках, мне позвонил в Мюнхен журналист Николай Ефимович. Несколько раз он удачно сделал со мной интервью для газеты «Комсомольская правда». Интервью получались всегда толковые, профессиональные и доброжелательные. И мы сдружились...»

Майя Плисецкая. Из книги «Читая жизнь свою...». 2010 г.

Об этом невозможно было даже мечтать.

Великая балерина, великая женщина, блиставшая на сцене и в жизни, уже написавшая к тому времени взрывную, страстную, словно неистовый взгляд Кармен, книжку «Я, Майя Плисецкая». Где все, что хотела сказать, сказала. Всех, кого хотела, обласкала, всех, кто напрашивался на позорный столб, пригвоздила. Она всегда говорила что думала, наотмашь. И не принимала обид. Не раз потом, когда досаждали расспросами, заявляла: «Читайте мою книгу, там все есть».

Мне и в голову не могло прийти, что когда-то буду не только брать у нее интервью (да не одно!), но просто дружить. Целых двадцать лет.

В юности она была для меня – мечта, взвихренная красота, летящая по экрану черно-белого тогдашнего телевизора. Мечта в самом прямом смысле – то, что в реале не бывает,

живет лишь в эфире, в волшебном виртуальном мире.

Позднее, будучи студентом журфака университета в Минске, увидел Плисецкую – уже в цвете! – в главной программе советского телевидения «Время». Был ее юбилейный день рождения. Майе Михайловне звонил кто-то из властных верхов – она по-королевски благосклонно принимала поздравления. На ней был переливчатый, изумительного зеленого цвета брючный костюм, вокруг – невероятный интерьер: все было необычно, из нездешней какой-то жизни! Может, потому картинка и врезалась в память (я потом спрашивал Майю Михайловну об этих съемках, она не вспомнила, что и неудивительно – сколько случалось подобного! Хотя, кажется, похожий наряд был).

И, собственно, здесь вполне можно было ставить точку. Мало ли тех, кем издалека восхищаешься, но с кем никогда не встретишься, не поговоришь, не возьмешь интервью... Тем более что балетом я, выросший в лесной белорусской деревушке, явно не бредил.

Но эта история все-таки случилась.

В середине 90-х в Нижний Новгород, где я работал собкором «Комсомольской правды», приехал на гастроли «Имперский балет» Гедиминоса Таранды, президентом которого в тот момент была Плисецкая. Конечно же, я рванул на ее пресс-конференцию, надеясь потом взять интервью и похвастаться перед редакцией – вот, смог. Однако Майя Михайловна всю жаждающую кулуарного продолжения прессу от-

брила: закончили, все уже сказано. Надо было сразу, еще на пресс-конференции вопросы задавать.

Кстати, долго не мог привыкнуть к ее достаточно жесткому порой стилю общения. Помню, однажды опоздал на интервью на полчаса: с трудом удалось пробиться сквозь московские пробки к Тверской. Едва переступив порог квартиры в знаменитом кооперативном доме Большого театра, стал всячески извиняться. И услышал совершенно ледяной голос: «Вы знаете, чтобы быть готовой к встрече, я встала в восемь утра, привела себя в порядок, сделала все, что нужно. Значит, и вам надо было выезжать заранее». Все пропало! Но, прощаясь, Майя Михайловна, довольная беседой, расцеловала меня. И я понял, что прощен.

Плисецкая в своей квартире на Тверской – с «Анной Карениной» на пару. Моя любимая фотография.

А тогда, в Нижнем, попытался отличиться от коллег:

– Майя Михайловна, можно с вами хоть сфотографироваться: дома не простят, если я этого не сделаю.

– Ну, если так, давайте. А откуда вы?

– Из «Комсомольской правды».

– Из «Комсомольской правды»? – как-то многозначительно переспросила она. Внутри все замерло: интонация не сулила ничего хорошего.

– А знаете, я хотела бы с вами поговорить.

Условились на следующий день. А вечером был концерт. Балетная труппа Таранды порадовала нижегородцев. Сама Плисецкая танцевала тогда «Лебедя»... Потом она взяла паузу на несколько лет – впереди была еще миниатюра «Аве Майя», сделанная Бежаром специально для нее: там можно неустанно следить за лебедиными руками, поражаясь, как она это делает. Она называла номер немножко по-японски – «Танец с веерами».

У Родиона Константиновича и Майи Михайловны было такое хорошее настроение, что я не удержался и попросил разрешения их сфотографировать.

...В Нижнем перед спектаклем Майя Михайловна в дивном карденовском изумрудно-черном платье выплыла поприветствовать публику. Тут, к слову, случился классический конфуз, какие нередко бывают с провинциальными чи-

новниками: начальник департамента культуры, вышедший на сцену и переполненный эмоциями, запнулся на какой-то фразе, растерялся и от волнения брякнул: «Вечная вам память, Майя Михайловна!». Зал грянул неудержимым смехом, а Плисецкая и бровью не повела, сценическая выдержка – нечеловеческая!

Утром я примчался на волжскую набережную, в главный нижегородский отель той поры, где останавливались звезды. У номера Плисецкой дежурили журналисты. Пыжась от гордости, я продефилировал мимо съемочной группы самого популярного местного телеканала: учитесь работать, ребята...

Надо ли говорить, что все оказалось очень просто: дело было ни разу не во мне.

«Комсомолка» незадолго до того опубликовала статью известной нашей журналистки о современном классике Родионе Щедрина, выдающемся композиторе и муже Плисецкой. Если кто помнит, в первой половине 90-х писали размашисто, свобода слова пьянила. И что-то там автор напутала с фактами. Вот Майя Михайловна и решила исправить ситуацию. Мы проговорили часа два.

– Ешьте фрукты, вы молодой человек, вам надо, – по ходу нашего разговора она все время подвигала мне огромную вазу. В остальном, надо сказать, номер ее был как номер: это нынешние звезды – с огромными райдерами. А она, у чьих ног был весь мир, не требовала президентских люксов. Глав-

ное, чтобы было комфортно.

Попав впервые в их с Родионом Константиновичем трехкомнатную квартиру на Тверской, я был изумлен. Никакой позолоченной роскоши, картин, коллекций императорского фарфора... Всегда очень много цветов, несколько красивых афиш, рояль. Потом, когда купят однокомнатную квартиру по соседству, рояль переедет туда, в рабочий кабинет Родиона Константиновича.

И в Мюнхене, где они снимали квартиру недалеко от знаменитой «Пинакотеки», все было достаточно скромно и уютно. Хороший ремонт, это да. Ну и все.

Как-то, приехав на Тверскую, попал прямо к домашнему обеду. Тоже очень просто и вкусно: отварное мясо, квашеная капуста. Попозже – сыр и вино. Мы не раз возвращались к знаменитой фразе: «Сижу не жрамши!» – мол, главный балетный рецепт похудения. Майя Михайловна смеялась:

– У меня всегда был зверский аппетит, я ела много. Но когда надо было, худела – работала на репетициях.

– Откуда же эти слова, журналисты придумали?

– Нет. Однажды, чтобы отвязаться от французской журналистки, я так сказала...

Словом, с того момента, когда я приехал в Москву показать Плисецкой уже готовое нижегородское интервью, сложилось у нас какое-то взаимопонимание. А с моей стороны – чистый мальчишеский восторг, страх и трепет. Она всегда просила показать написанное. В тот первый раз мы просиде-

ли над интервью чуть не полдня: Майя Михайловна читала очень внимательно, даже запятые правила. Всегда тщательно относилась к слову, чужому и своему: неудивительно, что ее книга, выдержав столько переизданий, бестселлер – до сих пор.

В ней не было той строгой царственной дистанции, что у Галины Вишневской: кто она, а кто ты... Могла просто сказать: «Мы с вами работаем уже несколько часов, в туалет не хотите? Не стесняйтесь, вон там направо».

Могла позвонить совершенно неожиданно и просто так: узнать, как дела, чем занимаюсь. И всегда, прощаясь, добавляла: «Вашим дамам большой привет, я к ним питаю очень нежные чувства». Со «своими дамами» (женой или дочкой) я не раз бывал у них с Щедриным и дома, и на концертах. Кстати, все приглашения на свои юбилейные торжества или музыкальные вечера Родиона Константиновича Плисецкая присылала или передавала обязательно на двоих-троих. От безупречности воспитания – и от того что, как мало кто, понимала ценность семьи.

Их союз с Щедриным поистине уникален – по глубине вранения друг в друга, по абсолютной взаимной преданности, по душевной наполненности, даже по длительности этих исключительных отношений... Празднование золотой свадьбы Майи Михайловны и Родиона Константиновича: концерт в Московской консерватории, впереди – банкет в одном из столичных ресторанов. Сидим, ждем машину, Роди-

он Константинович носится где-то по делам, вот-вот должен спуститься. «Колечка, если б вы знали, как болят ноги. Это все травмы...» Она никогда не жаловалась – а тут вдруг вырвалось. Потом подкатило авто, поехали праздновать дальше. И опять – никаких теней на лице, все с радостью и удовольствием. В 83 года – ослепительная!

А. А. АНДРИЯС

ТЕАТР

с 21 марта
1979-1980

ПРЕМЬЕРА РБУНОК

А. К. ВОЙТЕХА
А. А. АНДРИЯС

А. К. ВОЙТЕХА
А. А. АНДРИЯС
А. К. ВОЙТЕХА

ТЕАТР
1979-1980

«Вашим дамам большой привет, я к ним питаю очень нежные чувства». Подарок на память – шарф с дивным лебедем...

Как ей это удавалось, как давалось, чего стоило – не говорила никогда.

И люди ее окружали – под стать. Что, впрочем, и понятно. «Майя Михайловна, когда в Москву?» – спрашиваю во время одного из мюнхенских звонков.

– Да мы теперь чаще в Питере бываем. Там и премьер больше, и концертов. Гергиев дирижирует.

– Как он только всюду успевает?! То в Питере, то в Лондоне, то в Нью-Йорке?!

– Гергиев – глыба, титан. Он такой – не может никак остановиться! Он, как Слава Ростропович, который спал по четыре часа...

Как-то, не удержавшись, спросил: она сама такая особенная, потому что рыжая? Считается, рыжие талантливы и непредсказуемы! Плисецкая строго сказала: «Поверье очень поверхностное и глупое», но, не удержавшись, припомнила удивительную «рыжую» историю. Рядом с их литовским домом – озеро, куда каждый год прилетают лебединые стаи. И однажды навстречу выплыл лебедь с рыжей головой!

– У меня есть фотография, потому что люди не верят. А он приплыл, рыжий, и мы его сняли.

– До сих пор там живет?

– Сейчас еще не видела, но в прошлом году был.

Вот так: природа улыбнулась, и на память остался образ рыжего лебедя – одного на миллион...

Чаепитие в гостеприимном доме Плисецкой и Щедрина. На одну из встреч я взял дочь Веру.

В октябре 2010-го я прилетел в Мюнхен. Договорились сделать большое интервью накануне юбилея – 85-летия. Привез бородинский хлеб, ее любимую «селёду»... А разговор решили записывать в сербском ресторанчике, недалеко

от дома. После обеда Щедрин оставил нас работать, мы разговаривали еще часа четыре, если не пять: наверное, это была самая долгая наша беседа.

Майя Михайловна была как никогда откровенна и вдохновенна. На столе лежала ее только что переизданная книга, куда вошла уже и вторая часть – «Тринадцать лет спустя». Мы листали страницы с многочисленными фотографиями. И даже выпили пива, которое она очень любила (как и ходить на футбол – с пивом это почему-то рифмуется очень правильно).

Плисецкая вспоминала и вспоминала... Я не знал, повторится ли такой вечер. В какой-то момент не выдержал, достал видеокамеру – и держал ее одной рукой несколько часов. Чувствовал, что рука просто немеет. Но прерваться было нельзя – я понимал, что тут говорит история...

Провожая Плисецкую до дома, подумал, что она наверняка устала, но – опять-таки балетная закалка – держится молодцом. Поговорив еще немного с Щедриным и попрощавшись, пошел в отель. На обратном пути – прямо на площади уличный оркестрик с виолончелью и... роялем. Я заслушался. Нежданный аккорд – финал счастливого дня! Слушателей-полуночников было не так мало, музыканты резвились вовсю.

Вдруг звонок. Нервный голос Майи Михайловны. Ей кажется, что интервью неудачное: может, не стоило делать видеосъемку. Пытаюсь успокоить – разговор-то был замеча-

тельным. Договорились, что с утра приеду, вместе всё посмотрим.

Как шутил Щедрин: «Растворяем плохой холестерин».

Приезжаю. Родион Константинович и Майя Михайловна, немного взъерошенные: Щедрин сердит – о видеосъемке вообще не договаривались. Я каюсь – Майя Михайловна так была хороша, так рассказывала чудесно, что вот, не удержался.

Но чем дольше мы разговаривали, тем больше ощущалось, что Плисецкая и Щедрин настроены решительно: съемку никуда не давать, или переделать, или еще что-то придум-

мать.

Берем паузу. В полном раздрызге иду пройтись по осеннему Мюнхену – не понимаю, что сделал не так. Интервью-то, чувствую, хорошее: так душевно говорили... Все-таки надо попытаться убедить Майю Михайловну и Родиона Константиновича: тут ведь настоящая история, загубим съемку – сам себе потом не прощу.

Возвращаюсь и включаю камеру:

– Давайте хотя бы посмотрим.

Минут через десять раздается голос Родиона Константиновича:

– Маюша, а неплохо, по-моему.

Смотрим дальше.

– Маюша, ты зря переживала, очень хорошо.

Через час мы уже сидели за столом с бокалами вина, Плисецкая быстро почистила авокадо, сварила макароны. Голоса теплели, напряжение спадало. Это были лучшие в моей жизни макароны...

Полгода назад (до трагического майского дня, когда Майи Михайловны не стало, оставалось совсем немного – но тогда и помыслить о таком было невозможно) в кабинете, где я спешно собирался на утреннюю планерку, раздался звонок из Мюнхена.

– Вот смотрим с Родионом Константиновичем фильм (*на основе той самой съемки был сделан мини-фильм для сайта «Комсомолки»: не только интервью, но и фрагменты самых*

известных балетов Плисецкой. – Авт.). Родион Константинович с утра сказал – давай Колин фильм посмотрим. И были как магнитом притянуты. Все-таки очень симпатично получилось: я свой голос услышала... Родион Константинович говорит: и правда, ты – хорошая балерина.

– Ну да, ну да – он только сейчас это понял!

Плисецкая рассмеялась с чудным женским лукавством: «А он мне это еще раз сказал!»

– Вы сами, Майя Михайловна, как произведение искусства.

– Вот как?! Колечка, вы прекрасно исполнили свою роль...

На планерку я давно опоздал – да и бог с ней! Когда повесил трубку, подумал, что, наверное, это и есть тот счастливый момент, когда ты сумел доставить людям радость – а для меня, быть может, эта радость была гораздо значительней. Ведь те, кому понравился наш фильм, – Плисецкая и Щедрин, а значит, радость – двойная. Как хорошо все-таки, что тогда, в октябре 2010-го, ничего не стерли в нервной предъюбилейной горячке...

Плисецкая была неповторимой женщиной. О возрасте она никогда не говорила, но и не скрывала его: круглые даты праздновались ярко и красиво. При этом сама ничего не организовывала. Много на собственных юбилеях было для нее сюрпризом. Она скучала по публике, по аплодисментам, по стихии творческого полета и восторженного зала. И лю-

била ломать любые сценарии.

...Совершенно, кстати, неудивительно, что ее любимые французские духи назывались Vandit: впервые их привезла в Москву Эльза Триоле, гонкуровская лауреатка, жена поэта Луи Арагона и сестра Лили Брик. Той самой возлюбленной Маяковского, в доме которой, собственно, и познакомились Плисецкая и Щедрин. Не случайно тянуло Майю и Лилю друг к другу: обе рыжие, обе с несгибаемым характером и острым как бритва языком. Даже последняя воля обеих оказалась схожа... Когда Майю Михайловну спрашивали, с кем она близка, Плисецкая неизменно отвечала: я не ищу тех, кто мне близок, я общаюсь с теми, кто мне интересен.

А она была интересна всем.

На одном из ее юбилеев, который отмечался в Кремлевском дворце, кого только не было на сцене: и шаолиньские монахи, и брейк-дансеры, и хор Александрова. А знаменитейший испанский танцовщик Хоакин Кортес так лихо отстукивал на сцене фламенко, так манил прекрасную даму к себе, что Плисецкая не выдержала – руки грациозно взметнулись, и она страстно, под стать ему, прошлась в танце истинной гитаной. А как раз накануне юбилейного концерта мы сидели в каком-то закутке в Большом, и вдруг в разговоре я остро почувствовал: как же ей хочется танцевать! Но теперь она – только зритель... Так что Кортес зажег чертовски вовремя, а Плисецкая не была бы Плисецкой, если б упустила такой подарок.

К слову, Майя Михайловна никогда не сетовала, что уже не танцует, но, как признался однажды Родион Константинович, когда он включал музыку – она начинала импровизировать...

А последний раз мы разговаривали в апреле. Майя Михайловна вся была в планах предстоящего 90-летия – конечно же, в Большом.

– Знаете, там ожидается что-то грандиозное. До конца мне не раскрывают, что будет, но уже чувствуется. Я так хочу еще выйти на сцену Большого. Наверное, уже в последний раз.

– Майя Михайловна, что за мысли у вас, столько всего намечено...

– Колечка, каждый день сейчас дорогого стоит.

– А Родион Константинович как? – пытаюсь увести разговор с грустной ноты: говоря о Щедрине, она всегда оживляется.

– У него в этом году в Мариинке опять премьера, представляете?!

– И что будет?

– Пока не скажу. Не хуже «Левши»!

А «Левша» запомнился не только тем, что это монументальная и по-щедрински виртуозная опера, написанная специально для Гергиева и Мариинского театра. Накануне ее премьеры мы с женой приехали в Питер. Собирались встретиться с Плисецкой и Щедриным. Но едва услышав в труб-

ке голос Родиона Константиновича, я понял – что-то случилось. «Майя вчера на репетиции сломала ногу».

Оказалось, все дни, пока на Новой сцене Мариинки шли репетиции, Плисецкая была рядом с мужем. В какой-то момент решила сходить за водой для Щедрина: тот не мог прервать репетицию. А на Новой сцене – сложное закулисье, да и свет горел не везде. Неудачно оступилась – но никому не сказала, выдержала генеральную до конца. Когда врач осмотрел ногу, стало ясно, что придется отлеживаться в отеле: на премьеру ехать невозможно. Платье от Кардена так и осталось висеть в шкафу.

Майя Михайловна на фотовыставке, посвященной ее

творчеству.

После «Левши» Щедрин был нарасхват: поздравления, телеинтервью, цветы. Дух удалось перевести только за кулисами: Гергиев открыл шампанское, пили за искрометную премьеру, за талант композитора и, конечно, за его музу. Но взгляд Родиона Константиновича оставался грустно-озабоченным. И мы поехали в отель к Майе Михайловне.

Она тут же принялась со всеми подробностями расспрашивать, что и как прошло. Радовалась столь шумному успеху. И нисколько не стеснялась своего непривычного для меня вида: «Что ж я буду перед вами «улыбку держать» – свои же люди. Давайте есть пирожные, свежайшие!» И с таким удовольствием откусила эклер, что я понял – ее знаменитое «сiju не жрамши» тут не работает! Эти эклеры, кстати, прислали трубачи гергиевского оркестра, огорченные тем, что Плисецкая не смогла быть на премьере.

А совсем поздним вечером мы с женой сидели за столиком итальянского рестораника на Крюковом канале, пили вино, смотрели на самый театральный из петербургских видов и поражались: как несправедлива бывает судьба! Два года подряд неизменно на всех (!) репетициях она рядом с ним – и вот тебе... Обидно-то как!

Но уже через полгода Плисецкая – снова на ногах. И в зале Мариинки она слушала «Левшу» в том самом карденовском платье, которое не удалось надеть на премьеру. Хотя, каза-

лось бы, в ее возрасте такое быстрое восстановление почти немислимо. Тем более что за несколько лет это была вторая серьезная травма.

Первая случилась в Риме, где Плисецкая возглавляла жюри балетного конкурса. В собственный день рождения попала каблучком в какую-то выемку мостовой – и целая зима операций и клиник... Своего литовского врача-спасителя она потом пригласит на юбилей в Москву и будет с радостью представлять всем. Она умела быть благодарной. А вообще, какие бы травмы ни случались со стойкими балеринскими ногами, они ее не подводили. Она любила повторять: мои ноги – мое мнение.

Подвело сердце. Как сказал Родион Константинович, ее сбило влет, как птицу.

Тем утром она позвонила Гергиеву, чтобы поздравить с днем рождения: он был в поезде, ехал на гастроли и репетировал прямо в вагоне. А буквально за неделю до того они с Щедриным побывали в Питере и Москве. Увлеченно общались, обсуждали предстоящий юбилей, ходили на концерты, даже просидели до четырех утра на дружеском банкете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.